

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

МЕНТОВСКАЯ КРЫША

STAMP

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Ментовская крыша
Серия «Полковник Гуров»

Robin Book: Prince of OCR (09.09.2004)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120577

*Леонов Н.И., Макеев А.В. Ментовская крыша. Потерянный
родственник: Повести: ЭКСМО-Пресс; Москва; 2004
ISBN 5-699-05786-2*

Аннотация

Дождливым утром на пустыре было найдено тело подполковника МУРа. Некоторые оперативники решили, что это бытовуха. И только сыщик Лев Гуров был уверен, что подполковника убрали свои – «оборотни», которые связаны с криминалом. И начал разрабатывать именно эту версию, как вдруг с повинной явился убийца. Оказалось, что убитый подполковник завел роман с его женой, и он, ревнивый муж, убил соперника. Но Гурову его рассказ показался неубедительным. Сыщик нутром чувствовал – идет какая-то грязная игра.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Николай Иванович Леонов

Алексей

Викторович Макеев

Ментовская крыша

Глава 1

Следователь Балуюев принципиально не пользовался зажигалкой. Чиркнув спичкой, он обязательно отводил руку далеко в сторону, пережидая, пока отлетит ядовитый серный дым, и только потом подносил ее к сигарете, крепко зажатой в бледноватых тонких губах. Вот и сейчас так. Прикуривал долго, строго наблюдая за кончиком сигареты, который никак не хотел разгораться – видимо, табак был влажноват. Балуюев не выпендривался и курил обыкновенную, даже не «золотую», «Яву».

Полковник Гуров и его правая рука полковник Крячко терпеливо ждали. Дело, по которому их прикомандировали к следственной бригаде, было серьезным и спешки не допускало. Речь шла об убийстве – причем убийстве, которое задевало их лично. Погиб сотрудник милиции, оперативник из МУРа, погиб нелепо, на улице и, кажется, даже не будучи

при исполнении. Подробностей они пока не знали, и, скорее всего, подробности еще предстояло выяснять – опрашивать свидетелей, встречаться с коллегами и родственниками, знакомиться с делами, которые вел убитый. Начальство придавало большое значение раскрытию этого преступления. В последнее время все, что хоть каким-то боком касалось милиции, вызывало в обществе очень болезненную реакцию. Рекомендовал Гурова в бригаду сам начальник главка генерал Орлов. При этом он ссылался на личное пожелание министра раскрутить дело в самые кратчайшие сроки, не жалея ни сил, ни средств.

Гуров скептически относился к таким пожеланиям – будучи министром, можно позволить себе многое. Министры всегда говорят о кратчайших сроках. Иногда они для убедительности еще стучат кулаком по столу. Гуров ничего не имел против кратчайших сроков, но, по его мнению, главным в деле все-таки оставался результат. Краткость, говорят, сестра таланта, но не она ли – мать многочисленных ошибок? Гуров никогда не возражал против быстрого достижения результата, но терпеть не мог ошибаться. Поэтому все банальности о скорости и личном контроле, прозвучавшие из уст непосредственного начальства, Гуров пропустил мимо ушей – важно было ухватить суть. Для этого они сейчас и собрались в кабинете Балугева.

Следователь не спешил – скорее всего, потому, что самому ничего не было ясно. Следствие работает с оператив-

но-розыскными материалами, а с ними у Балужева как раз было неважно.

– Понимаете, ребята, – сразу же сказал он, – случай сам по себе печальный, но еще печальнее, что в распоряжении у нас с вами пока одни голые факты. Совершенно, я бы сказал, голые – гладкие, понимаешь, как степь. И ни одной приличной версии. А случай не только из ряда вон выходящий – случай довольно серьезный. Хотя, сами знаете, работенка ваша тоже не сахар, и смерть всегда рядом ходит. Однако здесь мы имеем резонанс – убитый имел опыт, заслуги, по две звезды на погонах. И обстоятельства соответственно... Если это не какая-то нелепая случайность, то просматривается особый цинизм, понимаешь... А вообще я на ваш авторитет сильно надеюсь, ребята!

Он, прищурясь, посмотрел на обоих оперативников, должно быть, полагая, что после такого комплимента они пойдут за него в огонь и в воду.

– Мы на него тоже надеемся, – поддакнул Крячко. – Надежда, как известно, умирает последней.

Его простодушное широкое лицо ничего не выражало, кроме горячего желания понравиться следователю и поскорее взяться за дело. Однако Балужеву что-то, видно, показалось сомнительным в его словах. Он подозрительно покосился на Крячко и сказал уже сухим тоном, без лирики:

– Значит, так, что мы имеем на сегодняшний день? Опер МУРа подполковник Вишневецкий был найден мертвым

шестого июля утром на пустыре за Краснополянской улицей. Обнаружил тело какой-то неизвестный, у которого хватило совести позвонить в милицию, но, естественно, к приезду группы след его уже простыл, причем не исключено, что он успел хорошо пошарить у погибшего в карманах...

– Сомнительно, – перебил Гуров. – Совершивший противоправные действия вряд ли станет тревожить милицию. Если только мы не имеем дело с большим оригиналом... Но по вашим словам можно предположить, что в карманах убитого ничего интересного обнаружено не было, верно?

– Абсолютно, – кивнул Балуюев. – Даже автобусного билета. Хотя, сами понимаете, он в этот район не пешком добирался. Вообще-то про билет я к слову. Его могли подвезти, конечно. Или он мог приехать на такси. Своя машина у него сейчас не на ходу. Это мы сразу выяснили у жены.

– А кстати, зачем он вообще там оказался? – полюбопытствовал Крячко. – По служебным делам или по личным?

– По правде говоря, ответ на этот вопрос я надеюсь получить от вас, ребята, – сказал Балуюев. – И вообще вопросов тут больше, чем ответов. Во-первых, зачем? Во-вторых, когда? Почему один, почему на пустыре? И так далее, верно?.. Тут нам еще подгадила погода – шестого под утро шел дождь. И, надо сказать, отвратительно сработали все, начиная от райотдела милиции и кончая следователем. Дело в том, что Вишневецкий был, как обычно, в штатском, без документов... Выглядел, естественно, непрезентабельно, да и

как может выглядеть в шесть часов утра труп, валяющийся под дождем на пустыре? Грязный, с пробитой головой... Его приняли за бомжа и отнесли соответственно. То есть ни толкового осмотра места происшествия, ни опроса свидетелей, ни улик, ни следов... Какие уж там следы! Предполагаемое орудие убийства – пивную бутылку – отыскали только на следующие сутки. Хорошо, жена спохватилась и обзвонила с утра все больницы и морги. Говорит, сердце чувствовало... Все, кто проводил первоначальное расследование, получили по выговору и были отстранены. Ну и что? Теперь вот мы с вами должны отдуваться за их халатность.

– Сердце чувствовало – это как? – с любопытством спросил Крячко.

– А вот вы у нее самой и поинтересуйтесь, – предложил Балувев. – Может, она вам объяснит. Только аккуратнее все-таки – это у нас с вами следствие, а у женщины – горе.

– С нашим авторитетом мы это как-нибудь сообразим, – проворчал Гуров. – Давай ближе к делу. Выходит, хватилась жена, а как на службе? Не заметили, что пропал человек?

– Не то чтобы не заметили, а не придали значения, – сказал Балувев. – Вишневецкий последнее время расследовал покушение на заместителя фирмы «Индиго», занимавшейся грузовыми перевозками, на Елисеева Евгения Александровича. Дело это теперь тоже у меня, и, должен сказать, радости мне это не добавляет. В материалах сам черт ногу сломит. Мой предшественник, кажется, махнул на все рукой, цели-

ком положившись на оперативников, да и то сказать, ему не до работы было – он сейчас в больнице лежит с подозрением на опухоль желудка. Вот такие дела. А в сейфе у Вишневецкого после его смерти практически ничего не нашли по Елисееву. Бардак полный, все впору начинать сначала. В общем, подбросили мне подарочек! Особенно смешно будет, если это убийство – трагическая случайность.

– То есть вышел опер на пустырь ночью – воздухом подышать, – подхватил Крячко. – А тут его бутылкой по черепу. Чисто случайно.

– Ну, это ты утрируешь, конечно, – поморщился Балуюев. – Мне и самому в случайность не верится. Однако обычно милиционер от пули гибнет. Способ убийства смущает. Но уцепиться пока абсолютно не за что. Я говорю, все сначала начинать надо – контакты Вишневецкого, кто заинтересован был в его смерти, кто последний его перед смертью видел, служебные проблемы, личные... А у меня еще полтора десятка дел без этого.

– А это самое покушение... – помедлив, спросил Гуров. – Когда оно состоялось? Я что-то не припомню.

– Немудрено, – покачал головой Балуюев. – Сейчас столько заказных развелось, что покушение без смертельного исхода вроде как подарок судьбы воспринимается. Кто на него внимание обращает? Ну, а вообще-то это в июне было – где-то как раз после Дня детей. Елисеев ездил по делам в Тверь – там у них что-то вроде филиала, – и на обратном пути его ма-

шину обстреляли. По счастливой случайности никто не погиб, и даже машину не сильно повредили. Вот этим делом Вишневецкий и занимался. Без особых результатов, как выясняется.

– Ничего странного, – пожал плечами Гуров. – Свидетелей нет, трупов нет, мотив неясен...

– Мотив один – передел собственности, – махнул рукой Балуюев. – Вроде есть энтузиасты, которые хотели бы оттягать «Индиго» у нынешних хозяев. Но все это остается на уровне предположений. Вишневецкий должен был реализовать эти предположения, но не сумел. Или не успел. Он, конечно, не один работал. Поговорите с его группой – наверняка они владеют информацией.

– Кто владеет информацией – тот владеет миром, – важно заметил Крячко. – Я Вишневецкого знал. Замкнутый был мужик, неразговорчивый. Слова из него лишнего не вытянешь. Наверняка и группа у него такая же подобралась.

– Ну, вы-то свои люди! – улыбнулся Балуюев. – Уж договоритесь как-нибудь. Это на прокуратуру все волком смотрят – и преступники, и люди в синих шинелях.

– А что экспертиза говорит? – спросил Гуров. – Врач?

– Смерть наступила в результате тупой травмы черепа с обширным внутренним кровоизлиянием, – ответил Балуюев. – Вот заключение судебного медика. А по оружию убийства пока ничего. Я же говорю, бутылку только на следующий день нашли. Хорошо – нашли! Там мусора – черт ногу

сломит. Плюс дождь, как я уже упоминал. К счастью, на донышке следы крови сохранились. Надеемся, что на стекле и чьи-нибудь пальцы остались, но это маловероятно...

– Ну что ж, что выросло, то выросло, – заключил Гуров. – Пальцы пальцами, а мы сначала, пожалуй, с документами ознакомимся, да и копии себе сделаем...

– Уже сделано, – возразил Балуюев. – Можете забирать. Папка, видите, какая – три листка. Это все, что наработали.

– Мы с Гуровым тоже не шибко грамотные, – притворно вздохнул Крячко. – Как писать чего – просто чистое мучение, ей-богу! Мы больше люди действия.

Следователь погрозил пальцем.

– Эдак не пойдет, полковник! – сказал он без улыбки. – Все мы люди действия. Только вот отчитываемся по бумажкам. Так уж задумано на этом свете. Поэтому будьте добры бумагами меня обеспечить по полной программе, чтобы не получилось, как с Вишневецким. Искал кого-то, а кого – один бог ведает.

– Полковник Крячко шутит, – ровным голосом объяснил Гуров. – Любит пошутить. Скрашивает себе суровые милицейские будни. Разумеется, все оперативно-розыскные мероприятия будут нами отражены документально. Насчет этого можешь не беспокоиться. Мы, кстати, люди не только действия, но и слова.

– А я что говорю? – с облегчением отозвался Балуюев. – Да мы с вами горы свернем! Главное, держаться одной коман-

дой и не тянуть одеяло на себя...

– Очень образно! – подхвалил Крячко. – Я просто вижу эту сплоченную под одним одеялом команду...

Следователь Балувев сунул в рот еще одну сигарету, сердито чиркнул спичкой и поспешно убрал руку в сторону.

– Никак не могу привыкнуть к вашему стилю, ребята, – пожаловался он, закуривая. – Вроде серьезные мужики, солидные, а шутите, как этот... ну, в «Аншлаге» еще...

– Нам «Аншлаг» смотреть некогда, – важно заявил Крячко. – Вон у Гурова жена – знаменитая актриса, и мы с ним можем на халяву хоть каждый день по театрам бегать, а не бегаем. Почему? Не имеем времени. Потому и шутить приходится самостоятельно – по чисто психологическим причинам. Разряжаемся таким образом. Снимаем напряжение.

– Можно подумать, я из театров не вылезаю, – обиженно сказал Балувев. – Вы меня спросите, когда я в последний раз телевизор-то включал! До поздней ночи на работе. Просто тонешь в бумагах. А вам все шуточки!

– Ну, во-первых, я тут ни при чем, – без улыбки пояснил Гуров. – С полковником Крячко я и сам периодически пытаюсь бороться. Правда, без особого успеха. Самый лучший вариант в таком случае – не слушать, что он говорит. Иногда помогает. Особенно когда знаешь, что за человек он на самом деле.

– Да, это, наверное, единственный выход, – согласился

следователь. — А я, честно говоря, шуток не понимаю. На-смотришься за день на все эти рожи... — Он обреченно махнул рукой. — Никакого чувства юмора не хочется, честно вам скажу! А если уж сильно разрядиться надо, так я старым де-довским способом пользуюсь...

— Это, конечно, основной метод, — авторитетно заявил Крячко. — Жалко, в рабочее время его применение ограничено. А то бы нам, глядишь, и вообще шутить не понадобилось.

— Ну, ладно, хватит трепаться, — жестко сказал Гуров. — Случай на самом деле серьезный. Будем работать. Завтра же я с тобой свяжусь, Сергей Михалыч. Уверен, что уже сегодня мы добудем информацию, которая подскажет нам, в каком направлении двигаться.

На самом деле он не испытывал в этом абсолютно никакой уверенности. Это было чем-то вроде заклинания, которым Гуров подстегивал себя и поддерживал оптимизм в коллегам. Он считал, что в их работе оптимизм должен присутствовать всегда — даже когда для него не видно никаких поводов. Собственно говоря, таких поводов было настолько мало, что ими вполне можно было пренебречь. Из такой ситуации оставались только два выхода — или спиться, или остаться неисправимым оптимистом.

Гуров тоже немного знал покойного Вишневецкого. Тот действительно был человеком со сложным характером. Про таких говорят — не подарок. И такие люди умеют наживать

врагов.

– У опера все враги! – заявил Крячко, когда они с Гуровым покинули кабинет следователя. – Совсем не факт, что смерть Вишневецкого связана с его последним делом. Тем более что там самый настоящий «висяк».

Гуров в принципе был с этим согласен, но выводы делать не спешил.

– Вот узнаем, что он делал ночью на пустыре, тогда и будем рассуждать, – заключил он. – Не с луны же он туда упал? Значит, была какая-то причина там появиться...

– Вот я и говорю, – подхватил Крячко. – У опера тысячи причин получить по башке. Но, согласись, довольно необычная смерть для нашего брата. Может, бытовуха?

– Жизнь покажет, – заметил Гуров. – Первым делом – его окружение, экспертиза, документация, «Индиго», естественно. Ну и жена, конечно, которая что-то чувствовала. Когда женщина говорит, что ей подсказало сердце, значит, она наверняка что-то знала. На пустом месте сердце не подсказывает. Вот будут в руках какие-то факты – тогда и будем рассуждать.

– К жене кто пойдет? – деловито поинтересовался Крячко. – Сегодня, скорее всего, похороны. Наверняка сослуживцы будут, от начальства кто-то, оркестр... Скажут, что временно ушел незаменимый и кристальнейший сотрудник, ну и все такое прочее... Не самый удобный момент.

– Зато повод удобный, – возразил Гуров. – Этим я сам

займусь. Только нужно сначала позвонить. Ты иди, заводи свою колымагу, а я пока звякну.

Последнее замечание было существенным, потому что у потрепанного «Мерседеса» Крячко, на котором они приехали, с утра барахлило зажигание, и, чтобы укротить его, требовалось некоторое время. Вспомнив об этом, Крячко поспешил на улицу.

Усевшись за руль, он принялся сражаться со взбунтовавшейся техникой и так погрузился в это увлекательное занятие, что не заметил, как возле «Мерседеса» возник неизвестный гражданин. Этот гражданин несколько секунд наблюдал за мучениями Крячко, а потом согнутым пальцем деликатно постучал по стеклу.

Крячко с досадой поднял глаза и увидел коренастого, средних лет мужчину, уже начинающего лысеть, одетого в майку-сеточку. Незнакомец держал в руке допотопную авоську со странным набором – там лежали ласты для подводного плавания и консервные банки с этикеткой «Сельдь атлантическая». На плохо выбритом лице мужчины было написано нетерпение.

Крячко опустил стекло и поинтересовался, кивая на сумку:

- Рыбку сами ловите?
- В каком смысле? – подозрительно спросил мужик.
- В смысле снаряжения, – объяснил Крячко.
- Ерунда! – с вызовом сказал незнакомец. – Это шутка

такая, что ли? Я вообще-то тороплюсь. Меня просто просили передать... Вы – Гуров?

Крячко удивленно приподнял бровь.

– Нет, уважаемый, – ответил он. – Гуров – это такой высокий, красивый, в галстуке и с сединой на висках. А я – Крячко.

– Ну, все равно, – мотнул головой мужчина. – Сказали, вам тоже можно...

– Да я не против, – радушно согласился Крячко. – Что передать-то?

– Да насчет жены этого Гурова... – замялся мужчина. – Типа, она женщина известная...

– Ну? И что дальше? – насторожился Крячко.

– Ну и все, – хмуро произнес незнакомец. – У всех на виду. Пусть, мол, подумает об этом на досуге...

– А ну-ка, стоп! – строго сказал Крячко и мгновенно выбрался из машины. – Давай-ка, друг, не темни! Что ты мне тут за шарады загадываешь? – Он железной рукой ухватил мужика за локоть.

Тот невольно попятился, пытаясь вырваться, и забормотал с нарастающим испугом и возмущением:

– Э, ты чего? Чего я тебе такого сказал-то? Попросили передать – я и передал. Два слова всего-навсего. Чего вяжешься-то? Отвали или я ментов позову!

– Это ты очень удачно попал, уважаемый! – с воодушевлением заметил Крячко. – Ты, видно, не в курсе, что я не

просто Крячко, а полковник милиции Крячко. Так что тебе даже звать никого не надо – я уже здесь.

Человек с ластами испугался еще больше. Он перестал вырываться и сменил тон на просительный.

– Честное слово, товарищ полковник! – произнес он. – Я тут ни при чем! Меня попросили, а мне что, трудно? Вижу, мужик приличный. Вроде ничего такого... Я и не подумал...

– А вот это не оправдание! – строго сказал Крячко, отпуская, впрочем, незнакомца. – Подумал – не подумал... Все равно, как сейчас говорят, за базар отвечать должен! Во-первых, кто ты такой есть? И, во-вторых, кто тебя просил передать такую глупость? Жду конкретных ответов!

Мужчина беспомощно оглянулся и что-то поискал взглядом.

– Да вон там «жигуль» стоял, – объяснил он. – Вон за перекрестком. Теперь уже уехал. Я мимо шел, мужик, который за рулем сидел, меня подзывает и говорит: передай, мол, то-то и то-то... Я ему сказал – надо, мол, сам и передавай! Как чувствовал... Ну а он, короче, полтинник мне сунул. Ну, за полтинник-то почему не передать?

– Действительно, – согласился Крячко. – За полтинник я и сам бы не отказался. А мужика хотя бы описать можешь?

– Да как? – замялся мужчина, который так и не назвал своего имени. – Мужик как мужик. Я не больно присматривался. Такой молодежавый, причесанный вроде... Да, в черных очках он был! Не в таких новомодных – полосочка такая, –

а в таких, знаете, как раньше носили, на пол-лица...

Крячко уважительно покачал головой.

– Ну, мужик, умеешь ты в двух штрихах портрет нарисовать – человек просто как живой получается! Можешь даже не объяснять дальше – такой образ уже в память врезался. Номер машины усек? Нет, конечно. Ну, а свое имя хотя бы помнишь?

– Обижаете, товарищ полковник! – с нервной улыбкой сказал незнакомец. – Феофанов я, Олег Юрьевич, инженер-строитель. Сейчас в отпуске. Вот подумываю на юг махнуть. А живу тут неподалеку – если желаете, можно доехать. Там мою личность все подтвердят. А номер машины я и запоминать не стал – зачем он мне? Я же не гаишник. «Жигуль» цвета морской волны, обыкновенная «девятка». Кабы знать, что это для вас так важно...

Олег Юрьевич не был похож на злоумышленника, да, собственно, он ничего предосудительного не сделал, хотя и его поступок, и выполненная им просьба выглядели достаточно нелепо. Но задерживать мирного человека с консервами в авоське только за то, что он выполняет нелепые просьбы, было не менее нелепо. Тем более что дело было не в нем, а в том тревожном подтексте, что заключался в невинных на первый взгляд словах об известности гуровской жены.

Действительно, Мария Строева была не только женой Гурова, но и чрезвычайно популярной в Москве актрисой. После спектаклей у служебного выхода театра толпились ее

поклонники с цветами и программками, на которых звезда должна была оставить автограф. Не все поклонники были столь деликатны. Иные рассчитывали на большее и вели себя довольно бесцеремонно. Они были уверены, что любимая актриса должна испытывать к ним не менее теплые чувства, и, не особенно мудрствуя, с ходу приглашали в ресторан и очень обижались, когда их предложения бывали отклонены. Правда, с тех пор как Мария стала женой полковника милиции и Гуров частенько встречал ее после вечерних спектаклей, такие конфликты возникали все реже. И вот опять всплыла похожая тема.

Крячко отпустил Феофанова, который тут же проворно убрался, и опять взялся за предательское зажигание. К тому времени, как появился Гуров, мотор заработал. Это привело Крячко в хорошее расположение духа, и он доложил Гурову о странном происшествии в несколько легкомысленном тоне. Однако Гуров воспринял рассказ очень серьезно.

– Говоришь, Мария у всех на виду и мне стоит подумать об этом на досуге? – переспросил он. – А знаешь, это очень скверно, что мне предлагают об этом подумать именно сегодня. Да, теперь я вижу, что это не случайная смерть...

– Ты имеешь в виду Вишневецкого? – уточнил Крячко.

– Разумеется. На первый взгляд вся эта чепуха не больше чем совпадение. Но тебе известен мой принцип – совпадения, как правило, тщательно готовятся. Просто кто-то решил поставить меня на место, прежде чем я начал копать

в этом деле. И знаешь, что особенно скверно?

– Кто-то из наших? – деловито сказал Крячко.

– К сожалению, – подтвердил Гуров. – О нашем с тобой назначении никто из посторонних знать не мог. Информация закрытая. И о том, что нас нужно искать именно здесь, тоже мог знать только кто-то из людей в синих шинелях, – горько усмехнулся он. – Вот такие дела. И теперь, поскольку карты основательно перемешали, следует подумать, во что такое мы, Стас, играем!

– Не знаю, что все это значит, – сказал Крячко. – Но тебе нужно идти к Орлову. Пусть выделяет для Марии охрану. Не всегда угрозы бывают пустыми. Петр поймет.

– Строго говоря, угроз еще никаких не было, – возразил Гуров. – Нам предложили подумать. Воспользуемся этим дружеским советом и будем думать. Да и потом, слишком серьезное обвинение у нас получается. А я пока еще хочу надеяться, что все-таки мы ошиблись.

Глава 2

На похоронах все примерно было так, как про то говорил Крячко, за исключением оркестра. Был и человек от руководства МУРа, и несколько оперативников из отдела, где работал Вишневецкий, и, разумеется, вдова с детьми. Надгробных речей, однако, почти не произносилось, все прошло очень сдержанно и быстро. На Гурова посматривали с любопытством – видимо, о его назначении знали уже многие. Он бы предпочел, чтобы было наоборот.

Вдова Вишневецкого, еще довольно молодая и привлекательная женщина, внешне держалась очень хорошо, и Гуров решил рискнуть. Когда церемония закончилась и все участники медленно потянулись к выходу, Гуров приблизился к вдове и представился.

– Понимаю, что сейчас вам не до того, – сказал он. – И приношу свои извинения. Но мне крайне необходимо с вами переговорить. Я привлечен к расследованию смерти вашего мужа...

Женщина посмотрела на него так, что Гуров невольно вздрогнул. В ее синих глазах было нескрываемое презрение и даже гадливость.

– Плевать я хотела на ваши расследования! – зло и громко сказала она. – Будьте вы прокляты с этими расследованиями! Как же я вас всех ненавижу!

В горячке она даже оттолкнула прижавшуюся к ней девочку лет двенадцати и быстрым шагом пошла прочь. Перед ней расступались. Кто-то взял Гурова под локоть. Он обернулся и увидел полковника Мешкова, заместителя начальника отдела, в котором служил Вишневецкий. Мешков не произносил речей и вообще во время похорон держался в тени, поэтому Гуров до сих пор его и не заметил.

– Здравствуй, Лев Иванович! – негромко сказал он. – Неподходящий момент ты выбрал. Сыплешь соль на раны, как говорится...

– Здравствуй, Сан Саныч! – ответил Гуров. – У нас с тобой профессия такая – сыпать соль на раны. И моменты подходящие, сам знаешь, редко подворачиваются. Поэтому твоё замечание не к месту, я считаю.

– Может, и так, – согласился Мешков. – Только сам видишь, что получилось. Любовь Николаевна – женщина нервная, с характером. У нее с мужем постоянно стычки возникали на почве его работы. Она ведь адвокат по имущественным делам. Зарабатывала прилично, не сравнить с нашими доходами. Ну, а Анатолий Викторович был вдобавок одержимый, вроде тебя, Лев Иванович, – сутками на службе пропадал. Отсюда, естественно, взаимонепонимание, скандалы... И вот теперь такое горе. Вообще-то она его по-своему сильно любила...

– А я ничьей любви и не оспариваю, – сказал Гуров. – У меня цель – убийцу найти. В белых перчатках этим не зани-

маются.

– Да найдешь ты убийцу! – поморщился Мешков. – Что-бы Гуров, да не нашел!.. Просто на твоём месте я сначала бы с ребятами поговорил. Хотя у них тоже обида есть, что расследование не им поручили. Тут ведь не только факт преступления – тут личное. Товарища убили...

– Обидчивые у вас ребята, – недовольно сказал Гуров. – Можно подумать, что я из Америки приехал. Я сам из МУРа вышел, и смерть Вишневецкого для меня такое же личное дело, как и для вас.

– Так-то оно так, – согласился Мешков. – А все-таки есть нюансы... Так ты с ребятами поговори – у них нервы покрепче.

– Надеюсь, – сказал Гуров. – А сам ты что обо всем этом думаешь?

Мешков пожал плечами:

– Версии разные есть. Вплоть до убийства на личной почве, – сказал он. – Но это так, между строк. Вроде была у Вишневецкого женщина, и как раз в том районе, где его убили. Никто точно не знает. Скрытный он был человек.

– Это мне известно, – заметил Гуров. – Только не слишком ли водевилем пахнет? Сам говорил, что Вишневецкий одержимый опер был. И вдруг адюльтер какой-то... Туфта это!

– Да я и сам не очень-то верю, – признался Мешков. – Но слухи ходят. Он в последнее время делом «Индиго» за-

нимался. Можно предполагать, что его из-за этого убили. Но вряд ли это так – далеко он в этом расследовании не продвинулся. Можно сказать, на нуле все было. Какой смысл его убивать? Только себя обнаруживать. В принципе врагов у него, как у всякого опера, море было. Но это же все равно что пальцем в небо тыкать. А явного мотива пока не просматривается.

– Ну вот, не просматривается, – с неудовольствием сказал Гуров. – А сами обижаетесь, что дело не вам поручили. Небось, если бы просматривался, никто бы вам и слова не сказал. Флаг бы вам в руки, как говорится.

– И тут ты прав, – кивнул Мешков. – Я ребятам о том же самом говорил. У них сейчас такой настрой – всех подряд хватать, с кем Вишневецкий хотя бы словом перекинулся.

– Ну да, метод известный, – усмехнулся Гуров. – Чтобы поймать одного льва, нужно поймать десять и девять из них выпустить. К счастью, руководство у нас чуть помудрее оказалось. Так что извини, Сан Саныч, а Вишневецким я буду заниматься.

– Да я только за, – быстро сказал Мешков. – А ты все-таки, если с ребятами из его группы хочешь поговорить, поспеши. Здесь только Трегубов, Воробьев и Шнейдер. Еще один на задании. И эти мигом слиняют – мужики шустрые.

Мужики и в самом деле оказались шустрыми. У Гурова даже сложилось впечатление, что сотрудники из группы Вишневецкого намеренно спешили, чтобы избежать с ним

встречи. Когда он оказался за воротами кладбища, никого из них там уже не было. Последние участники церемонии высаживались по машинам. Гуров с досадой оглянулся. К нему опять подошел Мешков.

– Уже смылись? – сочувственно спросил он. – Я говорю, ребята шустрые!

– Даже чересчур шустрые, – заметил Гуров. – Такое впечатление, будто они у меня деньги занимали. Разбежались, как тараканы.

– А они не из-за тебя! – немного смущенно сказал Мешков. – Ты зря так думаешь. Они не сообразили просто. Торопятся на службу... Жизнь-то дальше идет, Лев Иванович!

– Это ты верно подметил, – согласился Гуров. – Только вот люди у тебя и правда несообразительные. Не догадались, что теперь их официально на допрос вызовут. Не хотят в неформальной обстановке, будут под протокол беседовать.

– Да не специально они! – воскликнул Мешков. – Впрочем, я немедленно распоряжусь, чтобы те, кто свободен, к тебе заглянули. Не бегать же тебе за ними, в самом деле... Тебя подбросить?

– Нет, я на своей, – сказал Гуров. – И присылать ко мне никого не торопись. Я сам решу, когда им явиться.

– Ну, гляди, – пожал плечами Мешков и протянул Гурову руку. – До встречи!

– Бывай! – сказал Гуров.

Он задумчиво смотрел, как Мешков садится в машину и

выезжает со стоянки. У поворота ему пришлось объехать открытый катафалк с обтянутым кумачом гробом. Сидящие у гроба люди в черных пиджаках обливались потом и с тоской посматривали на часы. Солнце будто застыло в пыльном небе. Из-за ограды горячий ветер приносил звуки заунывной траурной мелодии. Гуров очень не любил кладбища.

Он уже собирался уезжать и направился к своему «Пежо», как вдруг сзади его окликнули. Гуров неторопливо обернулся. К нему подходил высокий светловолосый мужчина в черной рубашке с засученными по локоть рукавами. Гуров никогда раньше его не видел.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – сказал мужчина. – Я – капитан Шнейдер из группы Вишневецкого. Вы меня не знаете. Я в МУРе не слишком давно. Перебрался из Казахстана.

– Поздравляю, – сказал Гуров. – И что же дальше?

– Мне показалось, что вы хотели поговорить с Любовью Николаевной, – ответил Шнейдер. – Но у вас ничего не получилось.

– Вы очень наблюдательны, – заметил Гуров. – Настоящий сыщик. А вам не показалось, что с вами мне тоже необходимо поговорить?

– Я понимаю вашу иронию, – серьезно сказал Шнейдер. – В этом отношении вы правы. У ребят не было особого желания идти с вами на контакт. Но их тоже можно понять. Вишневецкий был их другом.

– Не вижу связи, – возразил Гуров. – Они же служивые люди, а не благородные девицы. Обязаны понимать свой долг.

– Я не говорю, что не обязаны, – рассудительно произнес Шнейдер. – Я говорю, их можно понять. Слишком свежа рана...

– А ваша рана, похоже, уже зарубцевалась? – любопытствовал Гуров.

Шнейдер махнул рукой.

– Сначала я тоже решил проявить солидарность, – объяснил он. – Но потом понял, что это будет неправильно. Но мне в этом плане легче, чем остальным. Я очень уважал Анатолия Викторовича, но мы не были с ним близкими друзьями. Просто у нас было слишком мало времени, чтобы сойтись поближе. Наши отношения были чисто служебными.

– И о чем вы хотите мне поведать? – поинтересовался Гуров. – Вы работали с Вишневецким по делу о покушении на Елисеева из «Индиго»?

Шнейдер кивнул.

– Только «Индиго» тут ни при чем, – сказал он. – В смысле, что обстоятельства этого дела никак не повлияли на трагический конец Анатолия Викторовича. Причины нужно искать совсем в другом месте.

– Вы так уверенно об этом говорите, – удивился Гуров. – Будто совершенно точно знаете, где нужно искать эти причины.

Шнейдер, казалось, колеблется. Но потом, принужденно и коротко рассмеявшись, сказал:

– В принципе все наши об этом знают. Для нас это не является секретом. Просто ребята не хотят тревожить память своего шефа, считают, что не имеют такого права. Мальчишество, конечно. Преступника все равно надо искать.

– Послушайте, Шнейдер! – решительно сказал Гуров. – Не размазывайте мне тут кашу по тарелке! Если у вас есть что сказать – докладывайте! А то, что ваша группа состоит из тонких лириков, я давно понял. Могу предложить набор чистых носовых платков, чтобы утирать слезы. А мне, как вы остроумно заметили, преступника надо искать.

– Я вас понял, – покорно отозвался Шнейдер. – Докладываю конкретно. Наш шеф Вишневецкий любил одну замужнюю женщину. Об этом все знали – иногда после работы он ездил к ней на служебной машине, иногда его видели в том районе. Ну, и он намекал. Короче, все об этом знали, но в подробности никто, естественно, вникать не пытался. Мужики все-таки... Мы знали только, в какой район он ездит. В тот самый, где нашли его тело. Ну, и знали еще из его слов, что у той дамочки ужасно ревнивый муж. Вот, пожалуй, и все... Я не утверждаю, что наша версия верна, но она вполне правдоподобна. Поскольку вы назначены в следственную группу...

– А откуда вам, кстати, это известно? – вдруг спросил Гуров. – О том, что я назначен? По радио об этом не объявляли, по-моему.

– Слухом земля полнится, – ответил Шнейдер. – О вашем назначении в МУРе сегодня все уже с утра знали. Я-то, надеюсь, узнал одним из последних.

– Хорошо, – сказал Гуров. – В таком случае расскажите мне, что произошло накануне убийства, пятого июля. Вы видели Вишневецкого в тот день?

– Разумеется, – кивнул Шнейдер. – Мы занимались опросом свидетелей по делу Свищева. Это крупный предприниматель из Екатеринбурга. Он приехал по делам фирмы в Москву, и здесь его пытались убить. Это случилось четвертого июля на Беговой улице. Он постоянно снимает там квартиру. Стреляли, когда он выходил из подъезда. Три пули в грудь, но все обошлось. Свищев, похоже, в рубашке родился. Ранения тяжелые. Но не смертельные.

– Вот как? – удивился Гуров. – А я думал, что ваша группа только «Индиго» занималась.

– Ну да! Кто может позволить такую роскошь? – возразил Шнейдер. – Мы вели параллельно и другие дела тоже. А что касается «Индиго», то, честно говоря, это тупик. Думаю, скоро его отправят на полку. Ни единой зацепки. Да и сами дельцы из «Индиго» склонны рассматривать его как недоразумение. Возможно, машину Елисеева спутали с какой-то другой. Насколько нам удалось выяснить, у «Индиго» в принципе нет серьезных проблем. Кому могло понадобиться это покушение – непонятно.

– А Вишневецкий тоже так думал? – спросил Гуров.

Шнейдер непонимающе взглянул на него.

– Я, конечно, в голову к нему заглянуть не мог, – сказал он. – Но общее мнение в группе было именно таким.

– Значит, пятого июля вы опрашивали свидетелей? – сказал Гуров. – Надеюсь, этот момент отражен документально?

– Да, протоколы допросов присутствуют, – солидно сказал Шнейдер. – Со свидетелями мы закончили где-то во втором часу. Потом перекусили... Потом... Потом Вишневецкий поехал в офис «Индиго».

– Зачем?

– Н-ну, я не знаю, – замялся Шнейдер. – Сказал, нужно. Он не всегда посвящал в свои планы.

– До сих пор вы утверждали, что вся жизнь его была как на ладони, – перебил Гуров. – Вдобавок дело «Индиго» считалось у вас бесперспективным. Зачем в таком случае Вишневецкий туда опять поехал? Значит, у него были какие-то основания для этого?

– Возможно, я несколько преувеличил, – скромно сказал Шнейдер. – Просто Вишневецкий всегда был рядом. Мысли свои он, конечно, не все озвучивал. Возможно, у него и появились какие-то новые соображения насчет «Индиго», но он не стал с нами делиться, желая сначала их проверить.

– Значит, пятого июля у Вишневецкого появляются какие-то новые соображения насчет старого дела, – повторил Гуров. – Он отправляется в «Индиго» их проверить, а шестого утром его находят на пустыре мертвым. Я правильно

излагаю события?

Шнейдер вдруг заволновался. У него даже вспотела верхняя губа.

– Нет-нет, все совсем не так, товарищ полковник! – торопливо сказал он. – Вы просто не дослушали до конца. Вишневецкий пробыл в «Индиго» недолго – около часа, а потом вернулся в отдел. До вечера мы работали с документами – я еще оформлял запрос в Екатеринбург по поводу деятельности фирмы Свищева. Нам хотелось знать подробности... Вишневецкий ушел в этот день необычно рано – в пять часов. По некоторым намекам мы поняли, что он намерен расслабиться, но сделали вид, что ни о чем не догадываемся. Анатолий Викторович очень болезненно относился к этой теме. Ведь у него двое детей...

– Ну, хорошо, а знала ли жена об этом... гм... его увлечении?

– Трудно сказать, – задумался Шнейдер. – Вишневецкий об этом с нами не говорил. Но можно предполагать, что по крайней мере догадывалась. Женщины чертовски наблюдательны в этом смысле.

– Я бы сказал, что они чувствуют сердцем, – поправил Гуров, внимательно глядя на собеседника. – Вот, кстати, такая деталь – говорят, когда Любовь Николаевна узнала о смерти мужа, она сказала, что предчувствовала ее. Нет предположений, как это понимать?

– Ну! Я как раз об этом и толкую, – оживился Шнейдер. –

Сам я об этих ее словах не слышал, но раз она так сказала, значит, знала!

– Простите, – не поверил Гуров. – Что знала? Что муж умрет насильственной смертью? Только потому, что у него была любовница? Довольно странно! Какая связь? Как минимум половина мужей имеют любовниц, но это редко является причиной смерти. Да, как правило, не является.

– М-м... Ну, возможно, она что-то слышала, – замялся Шнейдер. – В том смысле, что существует ревнивый муж... Впрочем, тут мне трудно судить. Я многого не знаю – могу только догадываться.

– Ладно, значит, в пять часов вечера Вишневецкий ушел из отдела, и больше вы его не видели. Так получается? – спросил Гуров.

– Пожалуй, так, – кивнул Шнейдер. – Да, именно так.

– Теперь такой вопрос – кто из вашей группы находился в этот момент на месте?

– Да все, по-моему, – Трегубов, Воробьев, Савицкий, ну и я, конечно, – перечислил Шнейдер. – Вы хотите знать, кто видел его живым в последний раз?

– Да, хотелось бы, – сказал Гуров. – Только это будет не так просто. Наверное, вы были не последними. Уходя, он сдал оружие? Оставил в сейфе? Взял с собой?

– Оставил в сейфе, – без запинки сказал Шнейдер. – И ключ от него передал Трегубову.

– Он всегда так делал? – удивился Гуров.

– Нет, я думаю, он просто не хотел идти с ключом и оружием к любовнице, – пояснил Шнейдер. – Все-таки мало ли чего...

– Вы настолько доверяли друг другу?

– Ну, конечно, – улыбнулся Шнейдер. – Мы же одна команда. Это только в кино Жеглов прячет от товарищей дело. Вы же знаете, в жизни все немного иначе.

– Да, жизнь – это не кино, – подтвердил Гуров. – А теперь расскажите мне, что произошло после ухода Вишневецкого. Вы тоже разошлись?

– Кто как, – пожал плечами Шнейдер. – Я ушел примерно через полтора часа. Первым, почти вслед за шефом убежал Савицкий. У него девушка, и он по вечерам с ней встречается. Если есть время, конечно. Воробьев ушел вместе со мной. А дольше всех задержался Трегубов. Он у нас закоренелый холостяк и никуда не спешит... Но вы расспрашиваете так, будто подозреваете нас в чем-то...

– Я расспрашиваю вас, опер, довольно поверхностно, – возразил Гуров. – Примерно так, как вы работали над делом «Индиго». Да и со Свищевым вы, насколько я понял, не слишком-то напрягались. Четвертого июля совершенно покушение на заказное убийство, а пятого июля оперативная группа уже разбегается по любовницам...

– Товарищ полковник! – укоризненно воскликнул Шнейдер. – Тут вы не правы! Со Свищевым, между прочим, срабатывали на «пять с минусом». Предполагаемых киллеров взя-

ли в тот же день в одной из ближайших гостиниц. Мы подключили к делу местный РОВД, прочесали район и довольно быстро обнаружили и свидетелей, и улики. Преступники даже не особенно и скрывались – видимо, были уверены в собственной безнаказанности и очень удивились, когда на них надели наручники. С этими парнями уже вовсю работает следователь. Так что вы напрасно, товарищ полковник, мы свое дело сделали.

– Ну, тогда приношу свои извинения, капитан, – сказал Гуров. – Действительно, это как будто звучит неплохо. Однако Вишневецкий погиб, и пока вопросов больше, чем ответов. Сами пытались что-нибудь сделать?

Шнейдер медленно покачал головой.

– Практически ничего, – сказал он. – Все еще в шоке. Хотя руки, можно сказать, чешутся. Но, если хотите знать мое мнение – начальство правильно рассудило, поручив это дело вам, товарищ полковник. Ребята сгоряча могут дров наломать. А тут холодный взгляд нужен – со стороны. Я потому и решил с вами переговорить. Ребята из ложной щепетильности будут покрывать покойного шефа, а кому это выгодно? Только убийце.

– Думаете, будут покрывать? – с интересом спросил Гуров. – А с какой стати? Иметь любовницу, конечно, нехорошо, но ведь это не преступление. И я вроде не репортер желтой прессы...

– Я же вам объяснял, товарищ полковник, – доверительно

произнес Шнейдер. – Отношения в группе были особенные. Мы как одна семья были.

– Ну, вы-то под эту категорию не попадаете, – заметил Гуров. – Сами отказались от такой чести. И потом, допустим, Трегубова и Воробьева я немного знаю – работники со стажем, а вот Савицкого я что-то не припоминаю. Он, наверное, в МУРе еще меньше, чем вы?

– Да, второй год всего, – подтвердил Шнейдер. – Но способный парнишка, заводной. Вишневецкий его очень ценил. Савицкий за него в огонь и в воду. Вот увидите, этот до последнего будет отрицать, что у шефа женщина на стороне была.

– Правда? Очень трогательные у вас сложились отношения. Даже не верится, что такое возможно в наши меркантильные времена, – сдержанно улыбнулся Гуров. – Ну что же, вы можете быть свободны. А я буду ломать голову над информацией, которую вы мне подбросили. Орешек не из простых, надо признаться!

– Вы справитесь, – с уважением сказал Шнейдер.

– Спасибо за доверие, капитан, – усмехнулся Гуров.

Шнейдер смутился, посмотрел на часы и, кивнув на прощание, торопливо пошел в дальний конец автостоянки, где сел в желтый «Фольксваген». Гуров подождал, пока он уедет, и задумчиво оглянулся по сторонам.

– Надеюсь, больше сюрпризов не будет? – негромко спросил он сам себя. – Тогда, господин полковник, пора ехать к

себе. Крячко, должно быть, заждался.

Крячко должен был встретиться с судебным медиком, который проводил вскрытие, и уточнить некоторые детали. Судя по его довольной физиономии, с которой он встретил Гурова, ему удалось узнать что-то любопытное.

– Как прошли похороны? – поинтересовался он. – Преступник поблизости не околачивался? Говорят, убийцу непременно тянет на похороны – может, для того, чтобы убедиться, что его труд не пропал даром.

– Юмор у тебя! – неодобрительно заметил Гуров. – Он не черный даже, а чумазый. Тебе когда-нибудь бывает стыдно за те шуточки, что ты отпускаешь?

– Придираешься! – сказал Крячко. – И потом, я вовсе не шутил. Убийца вполне мог появиться. Ты ничего необычного там не заметил?

– Допустим, заметил, – ответил Гуров. – Его нельзя было не заметить. Необычно вел себя капитан Шнейдер из группы Вишневецкого. Он подкараулил меня после церемонии и подарил версию гибели шефа. Все просто, как мычание. В том районе у Вишневецкого была любовница, имя которой он хранил в глубокой тайне. Однако каким-то образом всем было известно, что у красавицы страшно ревнивый муж, который в конце концов и учинил кровавую расправу. Вообще-то обычно ревнивые мужья начинают с жен... Ты случайно не встречал в сводках сообщения об убийстве женщины на Краснополянской улице или где-то около?

– Нет, не припоминаю, – покачал головой Крячко. – Но смею думать, что Краснополянская улица вообще ни при чем. Тут генерал надавил на экспертов, и они со вчерашнего дня вплотную занимались нашим делом. Есть уже кое-какие результаты.

– Выкладывай! – потребовал Гуров.

– Во-первых, четко обозначилась одна деталь, на которую вначале никто не обратил внимания, – сообщил Крячко. – Бутылка. Действительно, судебный медик не отрицает, что подобную травму черепа могли нанести бутылкой, но только вся штука в том, что пивная бутылка, найденная на пустыре, абсолютно невинна! Судя по всему, ее просто приложили к ране позднее, имитируя таким образом орудие преступления. Согласно экспертизе, удар мог быть нанесен отнюдь не пивной бутылкой, а более массивным изделием – предположительно бутылкой из-под французского шампанского. Причем удар был настолько силен, что толстостенная бутылка раскололась и на краях раны остались мельчайшие осколки стекла! Их на месте никто не заметил, но врач, молодец, обратил внимание и передал образцы тканей экспертам. Те сделали анализы и почти стопроцентно утверждают, что Вишневецкий был убит бутылкой дорогого шампанского, причем в момент убийства шампанское находилось еще в бутылке. Представляешь, какой был удар, если такая бутылка раскололась? Дождь, конечно, подгадил – если бы не он, эксперты могли бы выдать более полную информацию. Но и эта

меняет все дело. Скорее всего, Вишневецкого убивали вообще не в этом районе. Его привезли туда уже мертвого.

— А это похоже на правду! — оживился Гуров. — Это очень похоже! Если бы били на месте, остались бы и осколки бутылки, а тут появляется другая, целая, только перемазанная кровью... Очень похоже на правду, Стас!

— Еще как похоже, — важно кивнул Крячко. — Тем более что на пивной бутылке ничьих пальчиков и в помине нет. Конечно, погодные условия, небрежность следствия, и, однако же, у экспертов сложилось такое впечатление, что бутылку специально протирали, прежде чем испачкать кровью и подбросить на пустырь. Странновато для бытовухи, правда?

— Как сказать, — покачал головой Гуров. — Бытовуха разная бывает. Скажем, погорячился человек, прихлопнул любовника жены, а потом остыл немного, припомнил, что в кино видел, и ночью избавился от трупа. А чтобы глаза отвести, подбросил бутылку, которая под руку попала. Не думаю, что у него полны погреба шампанского. Как тебе такой вариант?

— Вариант сильный, — согласился Крячко. — Тогда надо понимать, что труп он на руках тащил? Недалеко ведь, да и мужик, судя по удару, не из слабаков. Мог и в одиночку справиться. Тогда вполне возможно, что кто-нибудь из жителей его за этим занятием видел. Придется весь район опрашивать.

— Это в том случае, если у Вишневецкого действитель-

но была любовница и она действительно живет на Краснополянской улице, – подчеркнул Гуров. – А на этот счет у меня имеются очень серьезные сомнения. И опрашивать ни в чем не повинных граждан мы, пожалуй, пока не будем. Мы начнем с тех, кто каждый день был с Вишневецким рядом. Завтра же с утра пригласим всю его группу и возьмем у каждого подробные показания. Рассказ, который я сегодня слышал, показался мне несколько сентиментальным и неконкретным. А мне нужен полный хронометраж происходивших пятого июля событий. Плюс все, что известно о предполагаемой любовнице Вишневецкого. Не верю, что о существовании мужа-ревнивца точно знали, а о любовнице лишь догадывались. Есть тут какая-то недоговоренность.

– Про любовниц лучше всего спрашивать у подружек жены, – авторитетно заявил Крячко. – Которым те плачутся в жилетку. Поспрошать надо, кто у Вишневецкой подруга.

– Вот и поспрошай, – предложил Гуров. – Твоя идея – ты и реализуй. Тем более что ваш покорный слуга потерпел на этом фронте полное фиаско. Вишневецкая только что матом меня не послала.

– Неужели? – ахнул Крячко. – Самого Гурова? Образцового джентльмена, бесстрашного сыщика и любимца женщин? Не может быть! Хотя вообще-то я предупреждал, что время и место для допроса ты выбрал не совсем удачное. Можно было подождать денька два.

– Теперь я это и сам вижу, – сказал Гуров. – Только, боюсь,

придется ждать гораздо больше. Вишневецкая, похоже, женщина обидчивая и с характером. Вряд ли мне удастся скоро заслужить ее доверие.

– Ну что же, раз ты не справился, придется, видно, мне браться за дело, – притворно вздохнул Крячко. – И вот так всю жизнь – один пашет, а слава достается другому...

– Не расстраивайся, потомки разберутся, кому ставить памятник, – утешил его Гуров.

Глава 3

Вызов на допрос в главк явился для оперативников из группы Вишневецкого неприятной неожиданностью. Во всяком случае, энтузиазма на их лицах Гуров не заметил. Это можно было объяснить и тем, что никому не хотелось отрываться от текущих дел, и тревогой за репутацию горячо любимого шефа, которую с их помощью собирались до некоторой степени подпортить, но эти причины не казались Гурову достаточно убедительными. Четверо взрослых и суровых мужиков, профессионалов, должны были как-то иначе реагировать на те неизбежные и необходимые мероприятия, которые проводила следственная бригада.

Впрочем, один человек из МУРа чувствовал себя, кажется, вполне удовлетворительно – это был капитан Шнейдер. В ожидании вызова на допрос он о чем-то негромко беседовал с широкоплечим сосредоточенным парнем в модном сером костюме. Как догадался Гуров, это был тот самый Савицкий, что каждую свободную минуту уделял своей девушке. Именно с него Гуров и решил начать.

Когда Крячко с невозмутимым лицом предложил Савицкому пройти в кабинет, остальные оперативники недоумевая переглянулись. Трегубов, который хорошо знал и Крячко и Гурова, тут же высказал претензию:

– Стас, может, со мной и с Володькой разберетесь сначала,

ла? Как говорится, раньше сядешь – быстрее выйдешь... У нас ведь работы невпроворот. А с пацаном нашим потом побеседуете. Куда он денется?

Крячко на это лишь невозмутимо заметил, что здесь ни пацанов, ни Стасов временно нет, а осуществляется серьезная оперативная процедура и все решает полковник Гуров, с которым спорить бесполезно.

– Или желаешь поспорить? – поинтересовался Крячко. – Я доложу Гурову, что тебя на дискуссии потянуло.

– Вы с Гуровым совсем тут бюрократами заделались! – проворчал Трегубов. – Уже забыли, откуда вышли. Большие начальники стали! Зазнались!

После смерти Вишневецкого он был в группе за старшего. Трегубов был невысок, но широк в кости, обладал развитой мускулатурой и от этого казался громадным. Краснолицый и энергичный до бесцеремонности, он редко соблюдал субординацию и никого не боялся. Ходили слухи, что к задержанным он частенько применяет нестандартные, мягко говоря, методы дознания, но за руку Трегубова на этом пока никто не поймал.

– Ты заметку в стенгазету напиши, – посоветовал ему Крячко. – Мы объективную критику уважаем.

У Трегубова это предложение не вызвало энтузиазма, но спорить он перестал, хотя выражение его багрового лица ясно показывало, что в своей правоте он уверен на сто процентов. Заметно волнующийся Савицкий, дождавшись кон-

ца дискуссии, поднялся и, ни на кого не глядя, вошел в кабинет.

Гуров предложил ему садиться и чувствовать себя как дома.

– Ваши коллеги несколько болезненно воспринимают обычное дознание, – сказал Гуров. – Возможно, вас тоже гложут неутоленные амбиции, Савицкий, но попробуйте на время от них отвлечься. Мы делаем общее дело, и вы должны мне помочь.

– Нет, амбиции меня не гложут, – смущенно пробормотал Савицкий. – Я знаю свое место.

– Впервые вижу человека, который знает свое место, – покрутил головой Крячко. – Вы к нам не с луны свалились, юноша?

Гуров неодобрительно покосился на Крячко, а Савицкий спокойно и серьезно ответил:

– Нет, я – москвич, после юридического в уголовный розыск пошел.

– Не разочаровались еще? – поинтересовался Гуров.

– Еще нет, – сдержанно ответил Савицкий.

– Похвально. Однако к делу. Нас сейчас интересует все, что касается гибели вашего шефа. Особенно события последнего дня его жизни. Расскажите нам подробно, что происходило пятого июля. Не возражаю, если выскажете свои соображения о причинах случившегося. Наверное, вы тоже задумывались, кто мог убить Вишневецкого?

– Да, я думал об этом, – ответил Савицкий. – Но, честно говоря, никакой версии у меня нет. Все произошло так неожиданно... То есть я хочу сказать, что для меня смерть Анатолия Викторовича была чем-то из ряда вон выходящим.

– То есть вы полагаете, что накануне ничто не предвещало такого трагического исхода? – спросил Гуров.

– Именно, – сказал Савицкий. – Правда, Анатолий Викторович выглядел, я бы сказал, особенно мрачным в тот день... Хотя я, конечно, могу и ошибаться, – торопливо добавил он. – Шеф вообще-то был человеком не слишком веселым. По-моему, я даже ни разу не видел, чтобы он улыбался. Но мне показалось, что пятого июля он был как-то особенно напряжен.

– Как вы думаете, почему?

– Со мной он по этому поводу не говорил. Пятого мы опрашивали свидетелей по делу о покушении на бизнесмена Свищева. В общем, практически весь день этим заняты были.

– И Вишневецкий весь день был в отделе?

– М-м, нет, пожалуй. В середине дня он уезжал.

– Куда?

– Не знаю. Мне он не докладывался. Наверное, Трегубов должен знать или Шнейдер.

– Надолго уезжал?

– Нет, вернулся примерно через час. Пожалуй, с этого момента он выглядел особенно озабоченным. Перекусил в сто-

ловой и часов в пять ушел. Сказал, что у него дела.

– Дела? Он именно так и сказал?

Савицкий посмотрел на Гурова с удивлением.

– А что же тут странного?

– Но он именно так и сказал? – не отставал Гуров. – Ничего больше?

– Ну, я не знаю, – смешался Савицкий. – Он при мне сказал Трегубову, что у него есть кое-какие дела и сегодня в отдел он больше не вернется.

– Вы обедали вместе с Вишневецким? – вмешался Крячко. – Я имею в виду вообще вашу группу?

– Нет, – покачал головой Савицкий. – Как раз когда мы обедали, он уезжал куда-то. Вернулся – поел один. Он вообще-то не любил обедать в компании, он постоянно думал о чем-то своем и не любил, чтобы ему мешали. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

– Вернемся к тому моменту, как Вишневецкий ушел, – предложил Гуров. – Значит, он сказал, что уходит по делам. А он никак не намекал, что эти дела... скажем так, личного, интимного характера?

Савицкий нахмурился.

– Я понял, о чем вы говорите, – сказал он. – Ребята тоже думают, что у Анатолия Викторовича была любовница и что он из-за нее пострадал. Наверное, у них есть для этого основания. Но я лично от Вишневецкого ничего о его личной жизни не слышал. Мне кажется, он был не из тех людей, ко-

торые хвастаются такими вещами.

– А ребята, значит, что-то все-таки знали? От них вы что-то слышали. Когда, от кого и что именно?

Савицкий помрачнел. Чувствовалось, что подобные вопросы ему не нравятся. Но перечить Гурову он не осмеливался.

– Да так, ничего определенного, – сказал он. – Говорили, что вроде ходил он в тот день к женщине, которая в том районе живет. Но так, в общих чертах. Вроде кому-то он намекал из наших... А может, просто догадывались.

– Что-то у тебя, опер, все как-то в общих чертах! – сердито заметил Гуров. – Вроде... Может... Не крути, а говори ясно, что слышал! Речь не о сплетнях идет, а о расследовании серьезного преступления.

– Да я ничего, – страдальчески пробормотал Савицкий. – Я и в самом деле ничего не знаю. До смерти Анатолия Викторовича я вообще не догадывался, что у него любовница имеется. Да и не похоже это на него было. Я здорово удивился, когда услышал. Когда нам сообщили, Трегубов Воробьеву при мне сказал в том смысле, что Викторович, наверное, у своей был, а у нее муж-дурак или что-то в этом роде – и не он ли все это учинил... Он вполголоса говорил, как будто не хотел, чтобы я слышал, поэтому я и не стал ничего переспрашивать.

– И это все? – удивился Гуров.

– Насчет любовницы? – виновато уточнил Савицкий. –

Все, товарищ полковник. Больше я, честное слово, ничего об этом не знаю. Вы лучше Трегубова об этом спросите.

– Спросим обязательно, – пообещал Гуров. – А вы пока скажите нам, что происходило утром шестого июля? Говорят, вы не сразу хватились своего шефа?

– Да, не сразу, – согласился Савицкий. – Но тут ничего странного нет. Анатолий Викторович иногда задерживался. Позвонили уже ближе к обеду.

– И какая была реакция?

– Ясно какая! – ответил Савицкий с обидой. – Все обалдели. Да нет, это не то слово – жуткое потрясение все испытали. Растерянность, шок!

– С вами беседовал следователь?

– В тот же день. Тоже расспрашивал, что происходило накануне и кто последним видел Вишневецкого. Боюсь, тогда никто ничего толком и сказать не мог – мысли у всех путались...

– Вы за всех не отвечайте, – перебил его Гуров. – Следователю вы сообщали про гипотетическую любовницу?

– Ну что вы! Я считал, что не имею никакого права говорить такое официально, – заявил Савицкий. – Понимаете, если бы я знал точно...

Гуров и Крячко переглянулись.

– Странные у вас все-таки, Савицкий, взгляды на следствие, – заметил Гуров. – Мне сразу показалось, что ваша группа какая-то... уж слишком сентиментальная. Остальные

тоже ведь ничего лишнего про шефа не сказали, верно?

– Ну, в принципе, да, – кивнул Савицкий. – Да ведь особенно никто и не копался. Допрашивали скорее формально, в такие подробности не вдавались. Больше интересовались работой группы.

– Хорошо, вернемся к тому моменту, когда Вишневецкий еще был жив, – сказал Гуров. – Насколько я понял, вы были свидетелем, как Вишневецкий уходил? Постарайтесь точно припомнить – он оставил оружие в сейфе или взял с собой?

Савицкий растерянно заморгал глазами, наморщил лоб и на минуту задумался. Гуров терпеливо ждал. Наконец Савицкий поднял голову и не слишком уверенно сказал:

– Поручиться не могу, но мне кажется, что Анатолий Викторович не открывал сейфа. Мне кажется, что он сразу ушел. Обычно он постоянно носил оружие с собой. Не припомню, чтобы он оставлял его в сейфе. По-моему, такого не было и на этот раз.

– Вы не ошибаетесь? – Гуров пристально посмотрел Савицкому в глаза. – Это очень важно. На теле Вишневецкого не было обнаружено ни оружия, ни документов. Как позже выяснило следствие, пистолет все-таки находился в сейфе Вишневецкого. А ключи от его сейфа были у Трегубова. Выходит, накануне перед уходом он должен был передать ключи, так?

– Да, конечно, – пробормотал Савицкий. – Возможно, я просто не заметил... Но у меня сложилось впечатление, что

Вишневецкий никому ничего не передавал. Он коротко предупредил, что уходит и... все. Он сразу ушел.

— Ну что ж, — сказал Гуров. — Мне кажется, молодой человек, у вас есть шансы стать профессионалом. Вот только память бы потренировать! А то у вас все в каком-то уклончивом тоне получается...

— Дело в том, товарищ полковник, что тут своих касается, — серьезно сказал Савицкий. — Когда о близких людях речь идет, всегда кажется, что ты все о них знаешь. А потом вдруг выясняется, что на самом деле не знаешь почти ничего. Привыкаешь, и многие вещи скользят мимо сознания — отсюда и ошибки. Это когда наружное наблюдение ведешь, то каждую черточку в объекте подмечаешь, каждый его жест. А у себя, честно скажу, расслабляешься. Кто же мог знать, что у нас такая беда случится? Но я все-таки не во все посвящен ввиду своей молодости, товарищ полковник. Я думаю, остальные вам гораздо больше расскажут.

— Может быть, — ответил Гуров. — Но они расскажут по-другому. А мне нужно составить объемную картину. Потому так важен ваш особый взгляд. А что вы скажете о деле фирмы «Индиго»? По вашему мнению, в каком состоянии оно у вас находилось и как могло повлиять на судьбу Вишневецкого? Грубо говоря, могли его убить из-за этого дела?

— Мне кажется, могли, — сказал Савицкий. — То есть утверждать я не могу, товарищ полковник, хотя вы и будете меня опять укорять за уклончивый ответ. У меня просто ощущение

ние такое.

– У сыщиков это называется – интуиция, – подсказал Крячко.

– Да, интуиция, – продолжил Савицкий. – Хотя вообще-то дело это завязло в самом начале, но оно все равно не давало Анатолию Викторовичу покоя. Он постоянно встречался с сотрудниками фирмы и мне дважды давал задания в связи с этим. Я опрашивал водителя той машины, которую обстреляли на шоссе, и на место выезжал – искал свидетелей в окрестных населенных пунктах. Результаты плачевные.

– Что значит – плачевные? – спросил Гуров.

– Никаких следов. А сотрудники фирмы, если откровенно, вообще неохотно вступали с нами в контакт, хотя вначале именно они проявили активность – подали заявление в прокуратуру и вообще... А потом с ними будто что-то случилось. Стали избегать встреч, говорили уклончиво, потом вообще вроде заявили, что претензий не имеют. Если бы не настойчивость Анатолия Викторовича, это дело давно бы закрыли. Оно почему-то не давало ему покоя.

– Только ему? Остальные члены группы смотрели на это дело иначе?

– Да как сказать? Если честно, то особого энтузиазма, конечно, не было. Улик никаких, свидетелей нет. Тут невольно опускаются руки. Если бы Анатолий Викторович хотя бы указал какие-то перспективы... Но он почему-то предпочитал держать свои соображения при себе. Последнее время он

практически один занимался этим делом и никому ничего не говорил. Все это казалось мне немного странным, но я не считал, что имею право вмешиваться.

– Это очень интересный момент, – покачал головой Гуров. – Получается, Вишневецкий будто не доверял вам?

– Я бы этого не сказал, – возразил Савицкий. – Почему бы он стал не доверять. Отношения в группе были нормальные. И за этот месяц мы два дела раскрыли – это когда на Беговой стреляли и еще одно убийство в Марьиной Роще... А что касается дела «Индиго» – мне кажется, Анатолия Викторовича задело, что эти фирмачи так легко отказались от претензий. Он вообще болезненно воспринимал такие вещи. Он любил доводить дело до конца. Говорил, что если бросать все на полпути, то завтра нас всех будут отстреливать прямо на улице – как воробьев. Конечно, это преувеличение, но своя правда в этих словах есть.

– Конечно, есть, – согласился Гуров. – Я и сам не люблю бросать начатое. Лучше уж тогда и не начинать. Но это очень неприятно, что вы ничего не знаете о планах Вишневецкого в отношении дела «Индиго». Откровенно говоря, я надеялся получить хотя бы небольшую зацепку... Ну, хорошо, давайте уточним еще один вопрос. Вы говорите, что утром шестого июля у вас особого беспокойства насчет отсутствия шефа не возникло?

– Да, такое случалось и раньше, – кивнул Савицкий.

– Однако жена Вишневецкого начала беспокоиться о му-

же сразу. Она звонила в отдел?

– Звонила, кажется, – сказал Савицкий. – Часов в восемь утра. По телефону разговаривал Шнейдер. Я понял, с кем он говорит, потому что слышал, как он сказал: «Не беспокойтесь, Любовь Николаевна, как только он явится, я скажу ему, чтобы перезвонил».

– Они долго разговаривали? – осведомился Гуров.

– Минуты две, наверное, – пожал плечами Савицкий. – Потом Шнейдер сказал, что ему нужно срочно уходить, и повесил трубку.

– Повесил трубку... – задумчиво повторил Гуров. – А что он сказал об этом разговоре, допустим, вам?

– Лично мне ничего. А Трегубову, я слышал, сказал – мол, супруга шефа звонила, беспокоится. Тот промолчал, и они ушли.

– И больше Любовь Николаевна не звонила?

– Больше не звонила. Это точно. Я постоянно был на месте – до того самого момента, как мы получили сообщение о смерти шефа. К тому времени жена его уже отыскала и опознала. Наши все равно ездили в морг – просто из уважения и чтобы лично убедиться.

– Меня еще интересует, в какой последовательности вы все разошлись по домам после ухода шефа. Вот вы, например, когда ушли?

После небольшой паузы Савицкий ответил:

– Я ушел сразу за Анатолием Викторовичем. Трегубов

сказал, что я больше не нужен, ну, я и ушел... Позвонил девушке и договорился встретиться. Если вы сомневаетесь – она может подтвердить, что мы были вместе весь вечер... И ночь тоже. – Он немного подумал и осторожно спросил: – У вас есть какие-то подозрения на мой счет, товарищ полковник?

– Когда вы будете себя подозрительно вести, подозрения непременно возникнут, – пообещал Гуров. – Пока я только пытаюсь восстановить картину того трагического дня. И, честно говоря, пока ничего трагического не замечаю. Может быть, поэтому и задаю такие странные вопросы. Я пытаюсь понять, что спровоцировало дальнейшие события. Но я далек от того, чтобы кого-то подозревать. А тем более вас, Савицкий. С какой стати?

– Но мне показалось... Вы так подробно расспрашиваете о том, что делал каждый из нас...

– Но о ком же мне расспрашивать, если вы – единственные, кто его видел живым? – возразил Гуров. – Как только на горизонте появится еще кто-то, я тут же примусь за него. – Он обернулся в сторону Крячко и сказал: – Стас, проводи молодого человека и пригласи Трегубова.

Гуров не хотел, чтобы оперативники обсуждали между собой результаты допроса – он не хотел допускать возможных корректировок, вольных или невольных, а также взаимных упреков между членами группы. Если им захочется обменяться впечатлениями, пусть занимаются этим в МУ-

Ре. Именно поэтому Савицкий в сопровождении Крячко был сразу же препровожден на выход. Это очень не понравилось остальным. И Трегубов начал с того, что высказал Гурову свое неудовольствие.

– Что происходит, Лев Иванович? – довольно агрессивно поинтересовался он, по-свойски разваливаясь на стуле. – Ты нас случайно не за террористов принимаешь? Я пока тут в коридоре сидел, все шеей вертел – не появятся ли вертухаи со штыками наголо... Чего этот мальчишка тут тебе наговорил, что ты его под конвоем увел? Это такая программа защиты свидетелей в действии?

– Потому и увел, – хладнокровно ответил Гуров. – Не хочу, чтобы ты знал, что этот мальчишка наговорил, Павел Семенович. Для чистоты эксперимента. А тебе грех обижаться. Столько лет служишь, а все обижаешься.

– Да вот и постыдились бы своих на допросы таскать! – фыркнул Трегубов. – Нельзя было, что ли, письменные объяснения взять? У нас и работа, между прочим, стоит...

– Работа не волк, – живо включился вернувшийся Крячко. – Пока стоит – не убежит.

– В смерти вашего шефа одни неясности, – сказал Гуров, не давая развернуться словесной дуэли. – Пока эти неясности не объяснятся, я вас в покое не оставляю.

– А какие неясности? – сердито спросил Трегубов. – Ты видел материалы дела? Вишневецкого бутылкой замочили! Это, по-твоему, неясность? Да чистейшая бытовуха! Вот от-

сюда и пляши.

– И на что же ты намекаешь? – с интересом спросил Гуров. – Подполковник МВД и бытовуха – это звучит несколько вызывающе.

– Намекать не буду, а факт налицо, – упрямо сказал Трегубов. – Ты часто слышал, чтобы подполковник МВД погиб от удара бутылкой по голове? Вот и я не слышал. Так что здесь, считай, не подполковник погиб, а рядовой гражданин Вишневецкий. На бытовой почве. А почва, брат, самая простая. Все мы не без греха. Вот и Викторыч слабинку дал. Знали мы, что у него женщина в том районе имеется. Всего-то и делов – район прочесать. Этот типчик сам приползет на задних лапках. Небось удивляется, что за ним до сих пор не пришли.

– Ты про кого? – спросил простодушно Гуров. – Так говоришь, будто знаешь, кто убийца.

– Ясное дело, про мужа той женщины. Вишневецкий говорил, что у этой стервы мужик ревнивый, как Отелло. Я его предупреждал – не нарывайся. Да нас, мужиков, разве развези? Тем более он на свое положение надеялся. Считал, что тот не рискнет на работника милиции руку поднять. А видишь, наоборот все вышло.

– Получается, ты был в курсе сердечных дел шефа, – невозмутимо сказал Гуров. – Значит, должен знать и адрес этой женщины. Или хотя бы фамилию.

– Вот и нет! – ответил Трегубов сердито. – Даже не инте-

ресовался никогда. Мне, честно говоря, вообще непонятно было, зачем Вишневецкий с ней связался. Ладно я, холостяк. А у него жена красавица, умница, детей двое. На хрена это ему надо было – не понимаю. Мы всегда с ним по этому поводу ругались.

– Ругались? – удивился Гуров. – Вы что же, часто с ним об этом говорили? По-моему, Вишневецкий был замкнутым человеком.

– Ясное дело, был, – подтвердил Трегубов. – И не особо часто мы с ним про это говорили. Но случалось. Он только мне в этом плане доверял. Жаль вот – к советам не прислушивался.

– Действительно, жаль, – согласился Гуров. – Но это тема деликатная, я бы сказал, романтическая. Давай лучше поговорим о том, что нам с тобой ближе, – о делах. Уголовных и прочих. Вот, скажем, что происходило у вас в отделе пятого июля...

– Так ты что – мне не веришь? – возмущенно спросил Трегубов.

– Если бы не верил, не задавал бы вопросов, – мирно сказал Гуров.

– В таком случае и задавать их нечего! – отрезал Трегубов. – Ничего особенного пятого не происходило. Обычная рутина. Вишневецкий ушел из отдела живой и здоровый. Ищи женщину, Гуров! Ищи женщину!

Он с негодованием прихлопнул по столу широкой ладо-

нюю и сверкнул глазами.

– Вообще-то женщина не могла нанести такой силы удар, Трегубов, – вмешался Крячко. – Тут и мужик-то не всякий осилит. Так что женщина женщиной, а мужик из головы не выходит...

– Найдете женщину, мужик сам сдастся, – упрямо повторил Трегубов. – Он здесь звено случайное. Игрушка страстей.

– Красиво сказано! – с уважением заметил Гуров. – Не знал, Трегубов, что ты поэт. И все-таки, извини, я опять возвращаюсь к прозе. Расскажи, что происходило у вас в отделе пятого июля с утра и до самого вечера.

Трегубов сердито посмотрел на Гурова, покраснел еще больше, шумно втянул носом воздух, но смирился и начал рассказывать...

Глава 4

Над служебным входом театра горели стилизованные под старину фонари. К удивлению Гурова, скопления поклонников сегодня не наблюдалось. Даже сквер возле театра был пуст и тих. В темных кронах деревьев негромко шуршал ветер. Крячко предположил, что заядлые театралы разъехались по курортам, а на спектакли ходят случайные люди, которым все равно, кто играет и что играет.

– Как версия подойдет, – заметил Гуров. – Между прочим, Мария тоже должна вот-вот отправиться на гастроли, и это меня, с одной стороны, успокаивает.

– А с другой? – поинтересовался Крячко.

– А с другой, наоборот, тревожит, – сказал Гуров. – Я боюсь оставлять ее без присмотра.

– Ты придаешь такое большое значение предупреждению человека с лапами? Возможно, это была просто неудачная шутка. Представь себе поклонника, который завидует тебе смертельной завистью и хочет основательно испортить настроение...

– Ты сам в это не веришь, – сказал Гуров. – Не ты ли предлагал мне просить охрану для Марии?

– Я погорячился, – сообщил Крячко. – Все вышло так неожиданно, что в голову полезли всякие мысли. У страха глаза велики.

– Зачем же ты поперся со мной встречать Марию после спектакля? – поинтересовался Гуров.

– Во-первых, я ее давно не видел, – сказал Крячко. – Элементарно соскучился. А кроме того, втайне я рассчитываю, что вы пригласите меня на ужин. А я, как истинный мужлан, приму это за чистую монету и не откажусь.

– А-а, вон оно что! – протянул Гуров. – Поужинать я бы и сам сейчас не отказался. Кажется, в холодильнике у нас стоит утка. С яблоками.

– Яблоки можешь оставить себе, – великодушно сказал Крячко. – А у вас в холодильнике случайно нет ничего такого, чтобы промочить горло? Что-то после всех этих разговоров у меня хрипота появилась.

– Интересно, с чего бы это? – удивился Гуров. – Вопросы задавал я, а хрипота – у тебя. Может, ты ледяной фанты глотнул в буфете?

– У меня, честно говоря, не то что на фанту, – признался Крячко, – у меня денег даже на бензин не осталось. Потому и тачку в главке оставил. Тем более это чертово зажигание... И сигареты не на что купить. Хотел, кстати, у тебя займы попросить.

– Это пожалуйста. Просить у нас никому не запрещается, – сказал Гуров. – Просить можешь сколько угодно.

Они перешучивались, намеренно избегая разговоров о деле Вишневецкого. Возможно, оба не хотели торопиться делать какие-то выводы, прежде чем в голове уляжется полу-

ченная информация. Собственно, дельной информации было немного. Люди Вишневецкого оказались не такими уж сентиментальными, как того можно было ожидать, но и о своем шефе рассказывали не слишком охотно, предпочитая отрываться общими словами и смутными предположениями. Слова «вроде», «кажется» и «наверное» то и дело срывались у них с языка. Самым определенным оказался Трегубов. Он до упора защищал свою версию и призывал Гурова искать женщину, с которой встречался Вишневецкий. Правда, к концу допроса он уже не настаивал на том, что найти женщину будет легко и просто, а район поиска расширил с Краснополянской улицы до всего Западного Дегунина. Так же без колебаний он прокомментировал события пятого июля, уверенно подтвердив, что Вишневецкий ушел из МУРа в пять часов, оставив пистолет и передав ему ключи от сейфа. На вопрос, зачем Вишневецкий оставил ему ключи, отвечать отказался, сказав, что даже не думал об этом – а что было у начальника в голове, теперь, мол, не узнаешь. Неведение Савицкого о личной жизни покойного объяснил просто: «А откуда мальчишка мог знать, с кем путался его шеф? Викторович с ним такие дела не обсуждал однозначно».

Получалось, что такие дела шеф обсуждал с одним Трегубовым, потому что Шнейдер в этом вопросе тоже ссылался в основном на его рассказы, а флегматичный, почти равнодушный Воробьев заявил, что о любовнице Вишневецкого узнал только задним числом и от того же Трегубова. Во-

робьев же подтвердил, что покинул здание МУРа вместе со Шнейдером примерно через полтора часа после ухода Вишневецкого, а Трегубов задержался позже всех, потому что собирался еще поработать.

И все как один утверждали, что никаких предпосылок для покушения на жизнь Вишневецкого по причинам, связанным с делами службы, не было. Тем более никто всерьез не принимал связь между его смертью и делом «Индиго».

– Да вы сходите в эту контору! – презрительно предложил Гурову Трегубов. – Держу пари, они от вас как черт от лада-на шарахаться будут! Не нужно им никакое расследование. Я вообще думаю, что они сами себя обстреляли для рекламы. Мол, смотрите, какие мы значительные! Там вообще никаких зацепок. Вишневецкий и сам уже понял, что дело дохлое. Просто делал вид, будто ищет что-то.

– Вплоть до пятого числа делал вид, – напомнил Гуров. – Ездил же он в офис «Индиго» пятого числа? Кстати, на чем? По словам жены, его собственная машина на ремонте.

– На служебной ездил, – ответил Трегубов. – Да что толку? Приехал – я его спрашиваю: чего, мол? А он только рукой махнул. И разговаривать не стал даже. Ты же его знаешь немного – Викторович из-за каждого «висяка» переживал, как из-за родного.

В целом ничего сенсационного – информация, которую удалось выудить из всех соратников Вишневецкого, полностью укладывалась в рамки того незатейливого сообщения,

что сделал на кладбище Шнейдер, но Гурова не покидало смутное ощущение, что самого главного он так и не услышал. Оно осталось, что называется, за кадром. Несколько выбивалось из общего хора признание Савицкого, и это настаивало Гурова. Однако он заставил себя до поры не сосредотачиваться на этом признании, опасаясь наломать дров. Нужно было сначала все хорошенько обдумать. Савицкий сам охарактеризовал себя как человека, который может ошибаться, и он на самом деле вряд ли мог быть так близок к Вишневецкому, как, например, Трегубов. Но их показания резко противоречили друг другу, и это вызывало тревогу.

Расхождения касались трех пунктов. Во-первых, любовница Вишневецкого – по утверждению Савицкого, он абсолютно ничего не знал о ее существовании до самого последнего момента. В это верилось с трудом. Обычно в мужском коллективе такие вещи как-то распознаются – по намекам, по разговорам сослуживцев. Неужели Трегубов ни разу ни словом не обмолвился о слабости шефа? Или молодой сотрудник был столь невнимателен? Во-вторых, отношение Вишневецкого к делу «Индиго». Савицкий утверждал, что шеф был поглощен этим делом до самой смерти. Трегубов придерживался мнения, что все было наоборот. Правда, Савицкий больше напирал на собственные ощущения, что, конечно, тоже не следовало сбрасывать со счетов, но все-таки это были еще не факты. Нужно было самому углубляться в это дело, чтобы понять что-то. И, в-третьих, вопрос с ору-

жем. В карманах убитого Вишневецкого было пусто – можно было ожидать, что преступники похитили не только документы и деньги убитого, но и его личное оружие. Но получалось, что Вишневецкий оставил в тот день оружие в сейфе. И пистолет действительно был на месте. Но в то же время Савицкий утверждает, что Вишневецкий пистолета не оставлял. Что это – опять невнимательность молодого человека или что-то другое?

И еще этот случай с предупреждением. Гуров не собирался ставить возле жены охрану, но отнестись к предупреждению как к шутке не мог. Слишком ловко все совпало. Он был убежден, что ему сделали намек, надеясь, что он правильно поймет его и оценит. Главный смысл намека состоял не в самой угрозе, которая, собственно, была преподнесена пока весьма туманно, а в том, что никто, кроме людей в форме, о назначении Гурова в следственную бригаду знать не мог. Ему давали понять, что он каким-то образом перешел дорогу своим. Грубо говоря, его просили посторониться – пока вежливо.

Гуров не был наивным юнцом и прекрасно понимал, что изменились времена – изменилась и милиция. Плакатный дядя Степа ушел в прошлое. Многие коллеги в погонах, стараясь не отстать от века, очень широко трактовали понятие «власть». И зачастую власть становилась удобным инструментом для того, чтобы делать большие деньги. Способы могли быть самыми разными. Гуров не признавал ни од-

ного из них, но догадывался, что в этом вопросе у него найдется немало оппонентов.

Не было ничего невозможного и в том, что, взявшись за расследование смерти Вишневецкого, Гуров задевает чьи-то коммерческие интересы. Каким образом и чьи – это был уже другой вопрос. Сейчас было важно то, что его предупредили.

– Неужели действительно может так получиться, что к гибели Вишневецкого причастен кто-то из наших? – не выдержав, выпалил вдруг Крячко. Видимо, его занимали те же самые мысли, а не одна утка с яблоками. – С какого бока, интересно? Вряд ли это его группа. Если уж они решили все валить на любовницу, то на хрена нужно было подсылать к нам человека в ластах? Они же себя этим, считай, выдали!

– Не фантазируй! – перебил его Гуров. – Все правильно. Сначала предупредили, а потом показали надежный путь для отступления. И ничего удивительного, если это организовали одни и те же люди. Собственно говоря, что мы с тобой знаем о том же Трегубове?

– Трегубов – мужик себе на уме, – немедленно сказал Крячко. – Упертый и наглый, как танк. Понаглее меня будет. С ним даже начальство старается не связываться. А, опять этот Трегубов! И все дела... Но с Вишневецким они, я знаю, давно вместе работали. Спелись, как говорится. Вот Шнейдера я действительно не знаю. И Савицкого тоже. Да и Воробьев для меня загадка.

– Воробьев, по-моему, для самого себя загадка, – провор-

чал Гуров. – Вот только насчет любовной версии гипнотизирует нас в основном Трегубов. Получается это у него, ничего не скажу, естественно и красочно, но не принимает у меня душа эту версию – вот что хочешь ты делай!

– Ну здесь у тебя тоже перегиб, – заметил Крячко. – Со всем этот момент со счетов тоже не сбросишь. За мужиками это водится. Я даже знаешь что сейчас подумал? А вдруг Вишневецкий кому-то из наших рога наставил, а тот отомстил? Тогда все понятно – и откуда про наше назначение знают, и почему не хотят, чтобы мы копались...

– Фантастика! – презрительно ответил Гуров. – Жюль Верн, Александр Беляев! У нас вообще какой век на дворе? Кто сейчас из-за супружеской измены убивает? Ну, попортят друг другу фотокарточки или в крайнем случае анонимку на обидчика в особый отдел накачают... Это редко когда такой неуравновешенный субъект попадется, который сразу за нож хватается. Или за бутылку.

– А вот на этот раз попался, – возразил Крячко. – И вообще ты так говоришь, потому что счастлив в супружестве. Еще неизвестно, как бы ты себя повел, если бы...

– Если бы да кабы, – перебил его Гуров. – Тебе не кажется, что ты немного удалился от темы?

– Тема должна рассматриваться всесторонне, – возразил Крячко. – Я просто строю возможные модели поведения. А чтобы это не было чистой абстракцией, беру тебя в качестве объекта...

– В качестве объекта ты бы мог взять и себя, – сказал Гуров. – По-моему, это намного удобнее.

– Это будет не совсем корректно, – задумчиво произнес Крячко. – Хотя, пожалуй, я смог бы приложить соперника бутылкой. Правда, на полную у меня бы рука не поднялась. Поэтому вряд ли последствия были бы такими ужасными.

– Это как сказать, – покачал головой Гуров. – С твоей силой и пустой бутылкой можно натворить дел. Но, хотя и в шутку, а ты подметил главное – не по-русски это бить – полной бутылкой. Ладно бы сначала распили содержимое, а там – слово за слово, и пошла карусель. Здесь же били намеренно, расчетливо – сзади, не жалея ни жертву, ни дорогой напиток. И о совместном распитии речи идти не может – в желудке Вишневецкого экспертиза не нашла алкоголя. Я уверен, в нашем случае расчет присутствовал с самого начала, а тогда о каком аффекте и какой страсти может идти разговор?

– Между прочим, насчет содержимого желудка – не к ужину будь сказано, – неожиданно произнес Крячко. – Алкоголя в желудке Вишневецкого не было, но зато остались остатки скромного ужина. Меня это почему-то сразу заинтересовало, и мы еще с врачом подробно обговорили это дело – я думал, это наведет нас на какую-то мысль. Просто потом закрутился и забыл с тобой поделиться. Судя по всему, перед смертью Вишневецкий ел пирожки. Обыкновенные пирожки, которыми торгуют на улицах и в дешевых забегаловках.

И у меня сразу возник вопрос: зачем набивать брюхо пирожками, направляясь к своей зазнобе?

– Резонный вопрос, – заинтересованно сказал Гуров. – Впрочем, могут быть варианты. Возможно, его женщина не увлекалась кулинарией. Или у них не было принято совмещать свидания с приемом пищи. Возможно, просто не хватало на это времени.

– Возможно, и так, – согласился Крячко. – Но маловероятно. Мы знаем, что Вишневецкий обедал в столовой. А потом эти пирожки. Возникает такое впечатление, что ужинать он не рассчитывал и решил перехватить что-нибудь по дороге. Но ведь тогда что получается – там, куда он направлялся, французское шампанское имелось, а пожрать было нечего? Не вяжется, Лева!

– Не вяжется, – кивнул Гуров. – И в самом деле не вяжется. Значит, он или не ждал этого шампанского, или не считал возможным к нему прикоснуться. Ни к шампанскому, ни к тому, что ему сопутствовало.

– Таким образом, мы с тобой можем сделать железный вывод! – торжествующе воскликнул Крячко. – Не встречался он ни с какой любовницей!

– Ну, может быть, не железный, – улыбнулся Гуров. – Но вывод вполне вероятный. Мне и сразу казалась надуманной эта мексиканская история с кровожадным мужем, а сейчас я полагаю ее почти невозможной. Но прежде чем воплощать вывод в железе, нужно сделать еще две вещи – побеседовать

с Вишневецкой и посетить офис «Индиго». Этим мы займемся завтра. Женщина – твоя, как договорились. Я на этот раз лучше познакомлюсь с дельцами.

– Да, на этот раз я покажу тебе, как следует обращаться с женщинами, – важно заявил Крячко. – Современная женщина презирует джентльменов – лощеных, но расчетливых и лицемерных, и уважает грубых решительных мужчин в спортивных шароварах, потому что у них большое сердце, а слова не расходятся с делом!

– Ты собираешься надеть спортивные шаровары? – удивился Гуров.

– Это образно, – пояснил Крячко. – Одеваться как-то специально не собираюсь. Нужно всегда оставаться самим собой.

– Но галстук я бы тебе все-таки посоветовал, – сказал Гуров. – Все-таки эта женщина – адвокат. Она может тебя не понять.

– Эта женщина – вдова оперативного работника, – парировал Крячко. – Она все прекрасно понимает. Однако, по моему, нам пора – на крыльце появляются люди...

Действительно, возле служебного входа возникло какое-то движение. Судя по всему, спектакль уже закончился, и актеры собирались расходиться по домам. Гуров и Крячко вышли из машины и направились туда, где горели фонари.

Марию Гуров увидел сразу – она о чем-то увлеченно и сердито спорила с молодым актером, фамилию которого Гу-

ров никак не мог запомнить. В пылу спора она даже не заметила появления мужа. Зато на это бурно отреагировал комик Вагряжский, благодушно дымивший на крыльце сигаретой. Он энергично встряхнул плешивой головой и с ироническим пафосом провозгласил:

– Сколь участь завидна девы молодой и прекрасной! У порога ее непременно герои встречают, и вдаль колесница ее золотая уносит... Не то старики, их участь – метро и бутылка нагретого пива... – кажется, он уже был слегка выпивши.

Мария подняла голову и удивленно охнула.

– Гуров! Честно говоря, я тебя не ждала сегодня! – сказала она, сразу забывая о споре с молодым человеком и направляясь к мужу. – Но это здорово, что ты меня встретил – я чертовски устала сегодня. Ба, и Стасик здесь! Привет! У вас что-нибудь случилось? – Она подставила мужу щеку для поцелуя и, обернувшись, помахала оставшимся на крыльце людям. – До завтра! Потом договорим, ладно?

Молодой человек разочарованно пожал плечами. Комик Вагряжский иронически посматривал вокруг сквозь клубы табачного дыма. Гуров вспомнил его слова об участии стариков, и ему стало неудобно. Вагряжский действительно должен был чувствовать себя сейчас одиноким и никому не нужным.

– Николай Евгеньевич, – окликнул Гуров. – Может быть, вас подвезти?

– О, не беспокойтесь! – махнул рукой актер. – Это ни к че-

му. По правде говоря, я еще и не решил толком, куда направлю стопы свои. Душа просит огней и праздника, полковник. Значит, все опять закончится в пивной, уж не обессудьте.

Гуров усмехнулся и, взяв Марию под руку, повел к автомобилю. Крячко пристроился рядом, с надеждой сказав:

– Пока суд да дело, разреши наш спор, королева! А то мы тут с Гуровым гадаем, правда ли в вашем холодильнике завелась утка? И правда ли она с яблоками или это просто разыгралась фантазия голодного мужа?

Мария невольно рассмеялась и сказала:

– Не хочу давать опрометчивых обещаний, но еще днем утка была. Если никто за это время на нее не покушался, она должна оставаться на прежнем месте. Более того, если уж у нас сегодня вечеринка, то к утке можно будет поискать чего-нибудь крепкого...

– Волшебница! – восхитился Крячко. – Даже в самых дерзких мечтах я не смел...

– Врет! – вмешался Гуров. – Смел! Даже особенно настаивал. Иначе и в гости отказывался идти. Про утку он вообще заговорил для отвода глаз.

– Клевета! Не верь ему, Мария! – возмутился Крячко. – Если и мечтал, то самую-самую малость. Просто не у одних артистов душа просит огней и праздника.

Они уселись в машину. Гуров завел мотор.

– Тяжелый был день? – спросил он.

– Ох, не знаю, – сказала Мария. – Сегодня был Чехов, а

Чехов почему-то выматывает меня до предела, ты же знаешь. Но вам со Стасом не стоит беспокоиться – я не стану вам мешать. Да, может, и сама отвлекусь.

– Если это намек, – быстро сказал Крячко, – то намеков я не понимаю. И потом, у меня дома нет утки.

– У него вообще денег нет, – сообщил Гуров. – Будет просить у нас займы. Представляешь, какой вечерок тебя ожидает?

– Бывали вечера и похуже, – заметила Мария. – А чего это вы сегодня примчались меня встречать? Неужели только для того, чтобы попросить займы? Или преступники угомонились сегодня пораньше?

– Преступность в основном уже побеждена, – заявил Крячко. – Остались только отдельные несознательные элементы, которые об этом не знают. Но с ними мы разберемся завтра. Подкрепившись уткой с яблоками...

Мария зевнула и откинулась на спинку кресла.

– А мне, между прочим, сегодня звонил один из ваших несознательных элементов, – вдруг сказала она. – Перед самым спектаклем.

– Не понял! Кто звонил? – настораживаясь, спросил Гуров.

– Маньяк какой-то, – равнодушно ответила Мария. – Такое иногда бывает. Обратная сторона популярности. Я стараюсь не обращать внимания.

– Нет, подожди, что значит – не обращать внимания? –

забеспокоился Гуров. – Говори толком, что случилось?

Мария посмотрела на него с легким удивлением.

– Да ничего ровным счетом не случилось, – сказала она. – Позвонил какой-то психопат и очень вежливо поинтересовался, как мне понравится, если в мое прекрасное лицо плеснут серной кислотой. Я ответила, что мне это совсем не понравится, какая бы кислота для этого ни применялась. И еще добавила, что у меня муж – полковник милиции. Просто для справки.

– И что было дальше? – серьезно спросил Гуров.

– Дальше-дальше... – проворчала Мария. – Да ничего не было. Мне нужно было выходить на сцену. Ты понимаешь, что это значит?

– Я все понимаю, – перебил ее Гуров. – И все-таки – этот тип еще что-нибудь сказал?

– Не знаю, что-то бормотал, по-моему, – с досадой сказала Мария. – Что-то вроде того, будто он прекрасно знает, кто у меня муж, но сомневается, что муж мне в данном случае чем-то поможет... Я не стала слушать этого дебила. Ведь ты мне поможешь в данном случае?

Гуров поймал в зеркале серьезный взгляд Крячко и ответил:

– Мы оба тебе поможем. Только ты должна уяснить себе одну простую вещь. Человек, который тебе звонил, – совсем не дебил. Но, очевидно, большой негодяй.

Глава 5

Ничего удивительного в том, что на домашнем телефоне Вишневецкой стоял автоответчик, не было, но Крячко был страшно разочарован таким поворотом дела. Автоответчиков он терпеть не мог, а к людям, таковые использующим, испытывал недоверие и даже неприязнь. Это техническое новшество почему-то всегда вызывало у него ассоциации со старой детской забавой – в былое время юные остряки частенько развлекались тем, что подбрасывали на тротуар пустой кошелек на ниточке. Доверчивые прохожие с бьющимся сердцем нагибались за ценной находкой, но в самый последний момент кошелек вдруг выскальзывал у них из пальцев и вприпрыжку исчезал в подворотне, откуда доносилось жизнерадостное хихиканье.

Разговор с автоответчиком, по мнению Крячко, был таким же пустым и обидным делом, как погоня за фальшивым кошельком. Поэтому никакого сообщения для Вишневецкой он оставлять не стал, а сразу поехал в адвокатскую контору, где она работала, надеясь перехватить ее там с утра пораньше. Такой вариант показался ему в конце концов даже предпочтительнее, потому что по телефону человек всегда может придумать предлог, как уклониться от встречи.

Поехал он на метро, потому что ночевал у Гурова, у которого и в самом деле нашлась и утка в яблоках, и кое-что еще

и тем для разговоров накопилось более чем достаточно, и в результате засиделись они до такой глубокой ночи, что ехать Крячко домой уже не было никакого смысла. А утром, поскольку маршруты у них с Гуровым на сегодняшний день не совпадали, Крячко для разнообразия выбрал пеший вариант передвижения, чтобы разогнать остатки тумана, образовавшиеся в голове после вчерашнего вечера. Денег он взаймы перехватил, и впереди открывалась перспектива пересесть на свой верный «Мерседес». Но прежде нужно было разобраться с Вишневецкой, которая предпочитала общаться с миром через автоответчик.

Вообще-то было немного странно, что человек с такой востребованной профессией, как адвокат, с утра прячется за автоответчик. Крячко предполагал в этом сословии большую открытость. Возможно, причиной было только что пережитое Вишневецкой горе. Не исключено, что она на какое-то время вообще удалилась от всех дел и контактов. В таком случае суетиться было бессмысленно. Однако Крячко предполагал, что Вишневецкая будет вести себя иначе и, наоборот, постарается забыть о своем горе, с головой уйдя в работу. Крячко знал, что в эти тяжелые дни Вишневецкая даже нашла в себе силы посетить прокуратуру, где отвечала на вопросы следователя – правда, судя по протоколу допроса, никакой ценной информации при этом не сообщив. Но следователь следователем, а у Крячко были свои заботы. След преступника искать ему, а не следователю.

Контора Вишневецкой располагалась на Большой Пироговской улице. Когда Крячко добрался туда, рабочий день еще не начался. Быстро выяснив это, он вышел на улицу и расположился неподалеку от входа в здание, надеясь перехватить Вишневецкую по дороге, как только она появится. Разумеется, у Вишневецкой могли быть какие-то свои планы, не совпадающие с планами Крячко, но он решил надеяться на лучшее. Вишневецкую ему доводилось видеть прежде при каких-то, теперь забытых обстоятельствах, поэтому Крячко не боялся спутать ее с кем-то из посетителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.